

№ 12 ДЕКАБРЬ 1963 г.

Год издания
XXXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

Вопросы истории

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

С. И. Рошин, В. П. Серегин — Основные проблемы пятого тома «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза»	3
Я. И. Линков — Роль Н. П. Огарева в борьбе за политическое освобождение России (К 150-летию со дня рождения)	13
Академик М. В. Неккина — К итогам дискуссии о «восходящей» и «посходящей» стадиях феодализма	31
В. Г. Трухановский — Англо-советские отношения накануне Великой Отечественной войны	52
С. Л. Тихвинский — Об отношении Сунь Ят-сена к Советской России (1917—1925 гг.)	71
И. Р. Григулевич — Достижения культурной революции на Кубе	86
С. А. Могилевский — Тактика международного оппортунизма в вопросах войны и мира (февраль — октябрь 1917 г.)	103

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Обзоры и рецензии

Э. В. Тадевосян — Ш. Б. Батыров. Формирование и развитие социалистических наций в СССР	115
А. Ф. Васильев — Г. С. Кравченко. Военная экономика СССР. 1941—1945 гг.	118
П. А. Зайончковский — Н. Г. Сладкович. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века	120
Н. В. Устюгов — Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы	123
В. И. Буганов, В. И. Лебедев — Новое исследование о Булавинском восстании	124
С. М. Троицкий — «Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв.», «Хрестоматия по истории СССР. XVIII в.»	127
В. В. Мавродин — В. Л. Янин. Новгородские посадники	130
И. С. Галкин — В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939 гг.	133
М. А. Полтавский — И. С. Кремер. Германский пролетариат в борьбе за мир с Советской Россией (ноябрь 1917 г.—февраль 1918 г.)	136
О. Н. Князев — Я. Я. Этингер. Экспансия ФРГ в арабских странах и Африке	137
Ф. И. Куликова, В. М. Мазуров — В. Б. Воронцов. Корея в планах США в годы второй мировой войны	140
И. А. Никитина — А. З. Зусманович. Империалистический раздел бассейна Конго (1876—1894 гг.)	141
Новые книги	143
Статьи в советских исторических журналах	145

Хроника научной жизни

М. К. Старокадомская — 25-летие Исторической библиотеки	147
Хроникальные заметки	153

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры и рецензии

В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев — Героическая оборона Ленинграда в освещении американского историка	156
А. Э. Экштейн — Живые комментарии западногерманского «советолога»	158
Академик С. Д. Сказкин — Г. Мор. Католическое «апостольское движение». К стратегии и тактике политического католицизма	160
В. Б. Тарасов — Революция в кредит	165
А. С. Гроссман — В. Краузе. Путь Вернера Зомбарты от катедер-социализма к фашизму	168

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	171
Обзор журнала. С. Я. Берзина — «Bulletin de l'Institut Français d'Afrique Noire». Dakar	172
Заметки о статьях: Р. П. Гришина — Революционная деятельность болгарских коммунистов в Советской России в 1918—1919 годах; Т. М. Ислямов — Актуальные вопросы изучения истории венгерского коммунистического и рабочего движения; А. Д. Галкина — Аграрный вопрос в Латинской Америке; А. М. Хазанов — Африка и британсское «Содружество»; М. И. Ковальская — Тенденции развития итальянской католической историографии; А. М. Филитов — Западногерманский историк выступает против антирапалльского мифотворчества; К. Б. Виноградов — Несостоятельная попытка пересмотреть роль «Комитета имперской обороны» Великобритании; Е. М. Тепер — Судьбы испанской политической эмиграции; О. С. Сороко — Антиисторические вымыслы буржуазного социолога; Н. А. Ерофеев — Об оценке англо-германского соглашения 1890 года; Б. А. Каменецкий — Все ли прогрессивно во взглядах Вико?; М. К. Клавдиева — Жан-Жак Руссо и якобинизм; Л. П. Маринович — Античная философия и классовая борьба	176
Рецензии на советские издания	190

Хроника научной жизни

А. Н. Чистозвонов — Состояние и организация исследований по социально-экономической истории в современных Нидерландах	191
Хроникальные заметки	197

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

Р. А. Кленова — Из истории возникновения школ фабрично-заводского ученичества (1921—1925 гг.)	199
Я. М. Горелик — Не допускать искажений при освещении исторических событий и фактов	203

Сведения об авторах, статьи которых опубликованы в номере журнала Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 1963 году	205
Резюме статей на английском языке	206
	219

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, СТАТЬИ КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ В НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Рошин Семен Ильич, кандидат исторических наук, руководитель редакции пятого тома истории Великой Отечественной войны Советского Союза, работает в области истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Сергин Владимир Павлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, работает в области истории КПСС.

Линков Яков Иосифович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, исследует проблемы крестьянского и революционного движения в России в XIX в. и истории русской культуры. Автор работ о революционной деятельности А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского, о первой «Земле и Воле» и др.

Нечкина Милица Васильевна, академик, лауреат Государственной премии, руководитель Научного совета по истории исторической науки в СССР Института истории АН СССР. Специалист по социально-экономической и общественно-политической истории России. Автор многочисленных исследований по этой тематике, редактор целого ряда научных изданий.

Трухановский Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы истории». Специалист в области новейшей истории, истории международных отношений и внешней политики СССР. Автор монографий «Новейшая история Англии», «Внешняя политика Англии после второй мировой войны», «Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.)» и ряда других работ.

Тихвинский Сергей Леонидович, доктор исторических наук, заместитель директора Института народов Азии АН СССР, специалист в области истории Китая. Автор монографии «Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ю-вэй» и ряда других работ.

Григулевич Иосиф Ромуальдович (И. Лаврецкий), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР. Специалист по истории и этнографии стран Латинской Америки. Автор книг «Ватикан. Религия, финансы и политика» (1957), «Боливар» (1960), «Панcho Вилья» (1962) и ряда других научных работ.

Могилевский Соломон Абрамович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой истории, руководитель сектора новейшей истории Ленинградского государственного университета, специализируется по истории международного коммунистического и рабочего движения. Автор ряда работ в этой области.

Милица Васильевна Нечкина

К ИТОГАМ ДИСКУССИИ О «ВОСХОДЯЩЕЙ» И «НИСХОДЯЩЕЙ» СТАДИЯХ ФЕОДАЛИЗМА

Спор о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма — одна из самых затянувшихся дискуссий. Кажется, лишь обсуждение социальной природы крепостной мануфактуры длилось еще дольше. В журнале «Вопросы истории» дискуссия о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма открылась статьей, опубликованной в середине 1958 г.¹, но появление откликов замедлилось. Сложность вопроса потребовала углубленной работы, а работа — времени. Лишь в следующем — 1959 г. — появились три содержательные статьи: А. М. Сахарова², В. А. Голобуцкого³, И. В. Кузнецова⁴.

Однако тема обсуждения еще не была исчерпана и желавшие высказаться продолжали обдумывать разные стороны вопроса; интерес историков к теме был вне сомнений. В 1959 и 1961 гг. появились новые исследовательские отклики в статьях акад. С. Г. Струмилина⁵, в 1962 г. — в статье А. М. Карпачева⁶. К специальным статьям, посвященным дискуссии, добавились ценные попутные экскурсы, освещавшие поднятую проблему; они стали появляться в работах по ближайшей смежной проблеме — генезису капитализма в России; тут можно указать на статьи Б. Б. Кафенгауза и А. Л. Сидорова, на книги Ф. Я. Полянского и Д. П. Маковского⁷. Упомянула о дискуссии — правда, не определив своего отношения к ней, — и Л. В. Данилова в историографическом очерке основных проблем раннего и развитого феодализма в России⁸.

Откликнулись на дискуссию также в историографической статье Б. Б. Кафенгауз и А. А. Преображенский⁹; авторы считают, что вопрос

¹ Акад. М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации. «Вопросы истории», 1958, № 7.

² А. М. Сахаров. К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России. «Вопросы истории», 1959, № 1.

³ В. А. Голобуцкий. О начале «нисходящей» стадии феодальной формации. «Вопросы истории», 1959, № 9.

⁴ И. В. Кузнецов. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма в России. «Вопросы истории», 1959, № 11.

⁵ Акад. С. Г. Струмилин. О внутреннем рынке России XVI—XVIII вв. в «История СССР», 1959, № 4; его же. К вопросу о генезисе капитализма в России. «Вопросы истории», 1961, № 9.

⁶ А. М. Карпачев. Мануфактура с принудительным трудом и ее значение в развитии капитализма (к дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации). «Вопросы истории», 1962, № 8.

⁷ Б. Б. Кафенгауз. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России. В сборнике «Вопросы генезиса капитализма в России». Л. 1960, стр. 6; А. Л. Сидоров. Некоторые проблемы развития российского капитализма в советской исторической науке. «Вопросы истории», 1961, № 12; Ф. Я. Полянский. Первоначальное накопление капитала в России. М. 1958, стр. 24; Д. П. Маковский. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск, 1960, стр. 7—11.

⁸ См. в сборнике «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». М. 1962, стр. 60.

⁹ Б. Б. Кафенгауз, А. А. Преображенский. Проблемы истории России XVII—XVIII вв. в трудах советских ученых. В сб. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС».

о «восходящей» и «нисходящей» стадиях развития феодализма в России имеет важное значение для понимания эволюции феодально-крепостнической системы. Со всем тем надо признать справедливость их замечания о недостаточной активности дискуссии¹⁰. «Непривычность» вопроса, возможно,— одна из причин этого недостатка. Историков, несомненно, глубоко интересует социологическая проблематика. Однако круг их интересов как-то замкнулся на явно неполном, зато привычном отборе социологических проблем. Сейчас интерес к социологическим вопросам возрастает. Тем уместнее подвести некоторые итоги спора. Заметим, что самый предмет дискуссии не таков, чтобы сразу подвести какие-то «окончательные» итоги. Творческой работе историков будет постоянно сопутствовать раздумье над кардинальным вопросом внутренней жизни общественно-экономических формаций, над периодами их «восходящей» и «нисходящей» стадий. Поэтому настоящая статья и носит название «К итогам...», никак не претендуя на какое-то «последнее слово» в столь важном вопросе.

Отметим, что круг историков, принявших то или иное участие в обсуждении проблемы, шире только что указанного. Спор о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации имел свой более ранний— «устный» — период, мало отразившийся в печати. Первый доклад на эту тему был прочитан еще в 1954 г.; он был предварительно отпечатан как материал для обсуждения и появился в свет на правах рукописи¹¹. Обсуждение состоялось в 1954 г. в Институте истории АН СССР и длилось два дня (9—10 декабря). В прениях выступили Л. В. Черепнин, Б. Ф. Поршнев, А. М. Сахаров, Н. Л. Рубинштейн, Е. И. Заозерская, П. Г. Рындзюнский и ряд других видных исследователей феодализма.

Подавляющее большинство участников дискуссии согласны с фактом существования проблемы и признали ее чрезвычайную важность. А. М. Сахаров пишет о «большом методологическом значении» вопроса о переходе феодализма от «восходящей» к «нисходящей» ступени. «Действительно, без ясного представления о том, в каком направлении идет развитие феодального строя в целом на данном этапе, крайне затруднительна научная оценка конкретных явлений и процессов»¹², — справедливо замечает он. В. А. Голобуцкий признает, что вопрос о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма — «одна из важнейших проблем истории нашей Родины», и полагает, что начало «нисходящей» стадии правильно связывать «с наступлением несоответствия между характером производительных сил и существующими производственными отношениями»¹³. Вполне согласен с общей постановкой вопроса и академик С. Г. Струмилин: признавая наличие «восходящей» и «нисходящей» стадий феодализма, он, как и другие историки, считает основным критерием для определения этих стадий «соответствие» или «несоответствие» степени развития производительных сил типу производственных отношений¹⁴. А. Л. Сидоров также признает значительность проблемы¹⁵. Наименее ясно высказался по этому общему вопросу И. В. Кузнецов, который, хотя, по-видимому, и признает существование основного комплекса вопросов, но в то же время «скорбит» о том, что предложенное решение «не разъясняет, а усложняет понимание проблемы»¹⁶. Необходимо заметить, что усложнение понимания чего-либо не всегда плохо,

¹⁰ Там же, стр. 168.

¹¹ М. В. Нечкина. О двух основных стадиях феодальной формации (к постановке вопроса). М. 1954 (Институт истории АН СССР).

¹² А. М. Сахаров. Указ. соч., стр. 98.

¹³ В. А. Голобуцкий. Указ. соч., стр. 123.

¹⁴ С. Г. Струмилин. Указ. соч. «История СССР», 1959, № 4, стр. 75, 80, 81 и «Вопросы истории», 1961, № 9, стр. 58.

¹⁵ А. Л. Сидоров. Указ. соч., стр. 35.

¹⁶ И. В. Кузнецов. Указ. соч., стр. 92.

положительная или отрицательная оценка «усложненного» понимания всецело зависит от того, соответствует ли оно действительности. Если да, то оно неизбежно «разъясняет» ее,— ведь не всякое разъяснение обязано упростить вопрос, важно, чтобы оно приближало нас к истине.

И. В. Кузнецов, разумеется, прав, что понимание действительности становится более сложным. Прав он и в том, что прежнее понимание, которое в общем обходилось без разбора вопроса о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации, было проще, «привычнее». Придется, очевидно, привыкнуть и к более сложному объяснению, если оно верно, и расстаться с привычным «простым», «несложным», если оно неполно и неточно.

Вдумываясь в существование вопросов, поднимаемых в связи с поставленной проблемой, нельзя не прийти к выводу, что центральное место в дискуссии должна была бы занять методологическая сторона дела. Действительно, вопрос о соотношении производительных сил и производственных отношений является центральным при изучении развития общественно-экономических формаций. Как определить момент, когда производственные отношения теряют возможность содействия поступательному развитию производительных сил и начинают тормозить их развитие? Этот вопрос насквозь методологический, весьма сложный по существу и богатый философским содержанием. Не договорившись о точных способах исследования, о критериях определения перелома, мы не сможем плодотворно спорить о конкретном времени перелома. Прежде всего, надо договориться, как подойти к вопросу методологически, а потом уже переходить к конкретному определению века, когда совершился перелом.

В исходной статье дискуссии в соответствии с этим и было уделено много внимания методологии вопроса; рассматривались и критерии, которыми можно пользоваться при конкретном историческом анализе (на примерах мануфактуры с принудительным трудом в промышленности и возможности простого воспроизводства в сельском хозяйстве). Однако особенностью развернувшейся дискуссии оказалось недостаточное внимание к обсуждению именно методологической стороны дела; она или почти обходилась молчанием, подразумеваясь как бы известной, или затрагивалась чрезмерно бегло. Новых критериев определения переломного момента предложено не было. Центр тяжести спора был перенесен на конкретное определение века: к какому же времени отнести перелом—к концу XV—XVI вв., к XVII в., или ко второй половине XVIII века? Предельно ясно, что спор будет результативен лишь при договоренности о методологических основаниях определения переломного времени. В этом неравном распределении внимания между методологией и конкретным определением века и состоит, как нам представляется, наиболее слабая сторона дискуссии.

Существо вопроса в следующем.

Феодализм, как и всякая досоциалистическая формация, проходит в своем развитии две основные стадии — «восходящую» и «нисходящую». В первой стадии производственные отношения феодализма прогрессивны, дают простор для поступательного развития производительных сил, содействуют их движению вперед; во второй — «нисходящей» — стадии производственные отношения феодализма становятся регрессивными, ибо уже не дают простора для поступательного развития производительных сил, задерживают их движение вперед, тормозят их. Иначе говоря (если ставить вопрос в плоскости юридического выражения), производительные силы приходят в противоречие с отношениями собственности, внутри которых они до тех пор развивались. Регрессивность производственных отношений все нарастает. Рождающийся в результате нарастания несоответствия между производительными силами и производственными отношениями конфликт приводит в конце «нисходящей» стадии феодаль-

ной формации к кризису феодализма, который завершается утверждением новой, более прогрессивной, антагонистической классовой формации — капитализмом. Эта теория развития общественно-экономической формации особенно ярко сформулирована К. Марксом в предисловии работы «К критике политической экономии». Много места уделил этому вопросу и Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге».

Огромное значение для изучения поставленной темы имеет классовая борьба — могущественный двигатель развития антагонистического общества. Конечно, борьба эксплуатируемых против эксплуататоров проходит от начала до конца через всю феодальную формацию, что вполне понятно и не требует объяснений. Однако бросается в глаза усиление интенсивности классовой борьбы в период «нисходящей» стадии. Не только увеличивается общее количество массовых выступлений, но и идет процесс объединения их в большие очаги движения, растет их «массивность» и «плотность», углубляются и обостряются лозунги движения, множатся формы его решительного натиска на устаревающий строй. Примером этого может служить в истории России смена крестьянской войны под руководством И. И. Болотникова (начало XVII в.) антифеодальным восстанием под предводительством С. Т. Разина во второй половине того же века, последующим массовым выступлением крестьян и казаков во главе с К. А. Булавиным в начале XVIII в., а также возглавленным Е. И. Пугачевым сильнейшим движением трудовых крестьянско-казацких масс во второй половине XVIII века. На мой взгляд, все указанные крупнейшие народные выступления падают на «ниходящую» стадию феодализма в России. Каких-либо «аналогов» по своей силе и размаху в «восходящей» стадии они не имеют. Объяснение их возникновения и сосредоточения можно почерпнуть прежде всего в базисных явлениях — в нарастании несоответствия развития производительных сил характеру производственных отношений. Здесь налицо не просто протест масс против возрастающего угнетения; тут явственно проступает требование новых форм хозяйства, новых форм экономической жизни, требование, носителем которого являются трудовые массы. Ранее замкнутое в границах феодально-помещичьего владения, подчиненное ему, экономически включенное в него, крестьянское хозяйство стремится теперь вырваться из рамок феодальной собственности и стать самостоятельным. Потому и возрастает крепостническое угнетение в его самых одиозных формах, что класс феодальных собственников, теряя базисные позиции, стремится противопоставить этому процессу всю силу помещичьей и государственной власти, которая находится в его распоряжении. Классовая борьба возрастает и невиданно обостряется. Быстро развиваются и растут, особенно в прогрессивном стане представителей нового, разнообразные формы идеологической борьбы, в которых ограждается и осознается ведущее противоречие времени — нарастающее несоответствие характера производительных сил типу производственных отношений.

Пути советской исторической науки, изучавшей историю феодального тысячелетия в нашей стране, были своеобразны. Не будем останавливаться на ранних этапах нашего историографического развития, охватывающих в общем первое двадцатилетие советского периода, когда изучение феодальной формации было затруднено теорией «торгового капитализма». Обратим внимание на последующий период и современное состояние вопроса. Успехи изучения истории феодализма советской историографией за послевоенные годы огромны. Подняты целые пласты неведомых ранее архивных материалов, освещено множество ранее неисследованных конкретных вопросов. Такие первостепенные по значению проблемы; как генезис капитализма, формирование «всероссийского рынка», история мануфактуры в России, развитие капиталистического уклада, проблема первоначального накопления капитала, вопрос

о промышленном перевороте (берем примеры проблем, относящихся преимущественно к эпохе «позднего феодализма») — все эти большие темы были поставлены именно советской (преимущественно послевоенной) историографией феодализма в России. Но охват реального исторического процесса все же оказался неравномерен: историки, исследовавшие последние столетия феодальной формации, сосредоточили усилия главным образом на проблеме генезиса капитализма. Основное внимание было привлечено к изучению капиталистических «элементов», последующему сложению их в капиталистический «уклад» и развитию «уклада» в капиталистическую систему. Проблемы первоначального накопления и промышленного переворота также принадлежат, по существу, к кругу тем о капиталистическом развитии. Все перечисленные вопросы закономерны и важны, изучать их надо именно историкам феодализма¹⁷; исследование их явилось большим вкладом в историческую науку. Однако вопрос о развитии формации редко брался в целом, чисто феодальная тематика как-то отъединилась, осталась в стороне, жизнь формации не получила равномерного освещения во всей своей совокупности. Часто употребляемая историками формула о том, что капиталистические элементы и уклад развивался в *недрах* феодализма, сама по себе еще не давала ответа на вопрос именно об этих «недрах». Привычный образ сначала слабых, потом более сильных «ростков» капитализма, пробивающих толщу феодально-крепостнических отношений, ничего не говорил об этой самой «толще». А она-то как поживает? С нею что-либо происходит? Она стоит на месте или движется? Парадоксально, но историки феодализма последние годы менее всего занимались феодальными «недрами» и «толщей». Разумеется, было бы неправомерно, если бы они стали заниматься только ими. Речь идет об обоснованной необходимости исследовать и то и другое в диалектическом единстве — и ростки нового, и «толщу», которую они пробивают, и элементы нового, и «недра», в которых они развились.

В силу создавшегося парадоксального положения как-то утвердились и получила молчаливое признание невысказанная ясно презумпция, что в эпоху «позднего» феодализма последний пребывает в качестве некоей огромной неизменной глыбы, которая, несмотря на свою «одинаковость» и равность себе самой, на протяжении по меньшей мере столетия, каким-то образом разлагается, оставаясь все-таки сама собою. Все силы исследователей уходили на «ростки», «элементы», «уклад». Изучалась часть вопроса, а не вопрос в целом.

Совершенно ясно, что феодальная формация непрерывно развивается до какого-то переломного момента прогрессивно, поступательно, а после него — регрессивно. Феодализм на «поздней» стадии тоже не стоит на месте и не равен сам себе на всех этапах — в нем происходят сменяющие друг друга изменения. Он феодализм, но уже не прежний феодализм. «Федот, да не тот», шутит по этому поводу акад. С. Г. Струмилин¹⁸.

Между тем все споры историков феодальной формации по поводу «элементов» и «уклада», как правило, заканчивались констатацией, что такие-то явления (посессионная ли, вотчинная ли мануфактура, «наймы» XVII века и т. д.) принадлежали (или не принадлежали) к феодальным производственным отношениям. Вопросы развития (в рамках этих же явлений) производительных сил почти не затрагивались. Обходился вопрос о степени и характере развития феодализма, о стадии развития феодализма. Прогрессивны ли констатируемые

¹⁷ Что, разумеется, не исключает интереса к этим темам также у исследователей смежной — капиталистической — формации, постоянно уделяющим им внимание, преимущественно в хронологических гранях их специальной тематики.

¹⁸ С. Г. Струмилин. Указ. соч. «Вопросы истории», 1961, № 9, стр. 63.

формы крепостничества и куда они развиваются, что именно с ними происходит — эта естественная, неизбежно возникающая тема вообще почему-то не поднималась. Даже не задавался вопрос об условиях и характере воспроизводства феодального хозяйства, о направлении процесса этого воспроизводства. Методика изучения проблемы воспроизводства, в сущности, вообще не разрабатывалась. Просто удивительно, как исследователи отдельных сторон феодализма, прямо и непосредственно относящихся к его «восходящей» стадии, обходятся без разбираемых в данной дискуссии теоретических вопросов и даже как бы не подозревают об их существовании¹⁹.

Таким образом, в силу особенностей историографического пути данной проблемы давно поставленный классиками марксизма вопрос о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма для многих современных исследований непривычен. Хотя интерес к нему историков не сомненен, его «внедрение» идет медленно, сталкивается с непроанализированным материалом, встречает препятствия. Сейчас эта историографическая «непривычность» проблемы крайне наглядна; даже некоторые историки, признавшие важность и основное значение вопроса о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации и опубликовавшие на эту тему исследовательские статьи, в дальнейших своих работах не оперируют своими же обобщениями и придерживаются по-прежнему традиционного русла²⁰.

¹⁹ Примером этого может служить статья Л. В. Милова, не просто посвященная вопросу расслоения крестьянства в XVII в., а акцентирующая своим заголовком внимание на его теоретической стороне. Она так и называется. «К постановке вопроса о расслоении крестьянства в России XVII века» (Подчеркнуто мною.— М. Н.) («История СССР», 1963, № 3). Автора совершенно не интересует вопрос о стадии развития феодализма как формации, не интересует и вопрос о соотношении характера производительных сил и производственных отношений в изучаемом явлении. Феодализм в этой работе рисуется неизменным равным себе самому, стабильным и не содержащим зарождавшихся противоречий. Наличествует ли в изучаемом явлении несоответствие между характером развития производительных сил и типом производственных отношений, автора не интересует сколько, даже вопрос просто не замечается им. С игнорированием этой важнейшей проблемы у автора своеобразно сочетается интерес к теоретической стороне вопроса. Автор пишет: «Априорные соображения как той, так и другой спорящей стороны мало что могут изменить, даже если учсть, что на стороне оппонентов Е. И. Индовой, А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова есть ряд веских доводов теоретического характера» (там же, стр. 112—113). «Априорные соображения» — это одно и с ними историк в полемике не обязан считаться, а «веские доводы теоретического характера» — совсем другое, и историк должен считаться с ними и опровергнуть их если желает отвести их в полемике. Теоретические положения марксизма выведены из гигантского фактического материала и отнюдь не являются «априорными» по строениями «чистого разума», а основаны на изучении практики, реальной действительности.

²⁰ Можно сослаться, например, на обширную рецензию А. М. Сахарова и Г. А. Новицкого, в которой критикуется работа Д. П. Маковского «Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке» (Смоленск, 1960) (см. «История СССР», 1962, № 2, стр. 87 и др.). Несмотря на явное совпадение многих поднимаемых здесь проблем с вопросами дискуссии и тесную связь их с «нисходящей» стадией феодализма, А. М. Сахаров, автор интересной исследовательской статьи, касающейся всего круга этих вопросов, и участник дискуссии, никогда не упоминает о ней и не пользуется собственными же доводами, придерживаясь традиционного круга прежних вопросов и оценок и, по-видимому, не испытывая никакой необходимости в новой проблематике. Он как бы «забыл» о ней.

Пользуюсь случаем оговорить свое несогласие с резко отрицательной оценкой книги Д. П. Маковского, данной в этой рецензии. Д. П. Маковский, несомненно, написал интересную, творческую книгу, заслуживающую внимания исследователей. Более справедлива, на мой взгляд, оценка, данная его работе Л. В. Даниловой в статье, помещенной в сборнике «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС» (стр. 61). Однако и Л. В. Данилова не упоминает проблему о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма в перечне спорных и малоизученных проблем, которой заканчивается ее статья (там же, стр. 88—90).

так и другой сферы дает уже для конкретно-исторической эпохи картину соотношения указанных сторон для всего производственного процесса данной эпохи в целом, для способа производства материальной жизни общества на данном историческом этапе. Таким образом, можно насчитать по меньшей мере четыре последовательных ступени анализа в изучении соотношения производительных сил и производственных отношений. Ясно, что при этом анализе необходимо дать и ответ на вопрос, поставленный в плоскости юридического выражения,— противоречат ли установленные отношения собственности новому характеру развивающихся материальных производительных сил общества. Применительно к условиям России требуется в данном случае прямой ответ: было ли прогрессивным явлением крепостное право и помещичья собственность на землю и крестьян или эта форма собственности задерживала развитие производительных сил.

В исходных дискуссионных работах имеется попытка проанализировать как ту, так и другую сторону вопроса на примере мануфактуры с принудительным трудом. Это сложное явление, вызвавшее столько длительных споров, имеет, как и всякое производственное явление, две стороны. Оно представляет собою особый тип развития производительных сил; положение и функция человека как производительной силы выделяются тут особенно рельефно²⁸: ведь на этапе мануфактурного развития еще отсутствуют машины, и техника остается в основном старой техникой ремесла, хотя и имеющего существенное отличие — концентрацию инструментов и станков в помещении мануфактуры (если речь идет о централизованной мануфактуре) и в отдельных случаях — их улучшение (и концентрация и улучшение дают производственный выигрыш, накопление предпосылок для последующего скачка — создания машин).

«...Можно ли считать мануфактуру с принудительным трудом проявлением буржуазного развития?» — задает вопрос А. М. Сахаров. «М. В. Нечкина,— пишет он,— дает утвердительный ответ, указывая на капиталистический характер производительных сил и прежде всего на особый тип разделения труда в этой мануфактуре»²⁹. Ответ неточен, ибо производственные отношения в данной мануфактуре М. В. Нечкина считает феодальными. Мною подчеркивался внутренний противоречивый характер явления, принадлежащего, как мне представляется, к капиталистическим элементам по характеру производительных сил, но феодального по строю производственных отношений. Возражая против квалификации производительных сил мануфактуры с принудительным трудом как капиталистических по характеру, А. М. Сахаров прибегает к ряду характеристик, данных К. Марксом мануфактуре с вольнонаемным трудом³⁰, что в данном случае неправомерно.

В моем докладе 1954 г. «О двух основных стадиях развития феодальной формации (к постановке вопроса)» отмечался противоречивый характер мануфактуры с принудительным трудом: «С точки зрения характера производительных сил,— читаем мы там,— мануфактура принадлежит капиталистическому способу производства, представляет вторую стадию его развития и является значительным шагом вперед в развитии производительных сил. Черты этого нового характера развития производительных сил наличествуют и в мануфактуре с принудительным тру-

²⁸ И. В. Кузнецов не заметил этого (Ср. с нашей статьей в «Вопросах истории», 1958, № 7, стр. 91—93; см. в частности, определение на стр. 93: «Главный и решающий элемент развития производительных сил — трудящийся»). И. В. Кузнецов ошибочно полагает, что я «цаще» (?) имею в виду лишь технику. См. И. В. Кузнецов. Указ. соч., стр. 91.

²⁹ А. М. Сахаров. Указ. соч., стр. 103.

³⁰ Там же, стр. 103—104.

дом, хотя и находятся в антагонистическом противоречии с феодальными производственными отношениями³¹. С этим положением солидарен акад. Н. М. Дружинин, отметивший в своем докладе 1955 г. «Генезис капитализма в России», что «само существо мануфактуры, характеризующей вторую стадию капиталистического развития, видоизменялось, получая новые и не свойственные ей черты: с точки зрения производительных сил, составлявших основу производственного процесса, мануфактура середины XVIII в. находилась на уровне, соответствующем капиталистической технике труда; с точки зрения производственных отношений, складывавшихся между эксплуататором и эксплуатируемыми, мануфактура превращалась в составную часть господствующей феодальной системы»³².

Приведенный выше тезис моего доклада 1954 г. я развила в статье 1958 г., послужившей началом дискуссии «О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации»³³. С этим положением солидаризировался также А. М. Карпачев, подробно разобравший вопрос о мануфактуре на белорусском материале³⁴. Не возражает, по существу, против анализа этого внутреннего противоречия и В. А. Голобуцкий, относя его лишь к сравнительно поздним явлениям несоответствия производительных сил производственным отношениям. Он полагает, что мануфактура, как и утрата крестьянским хозяйством способности простого воспроизводства, «свидетельствуют не столько о наступлении «нисходящей» стадии феодализма, сколько о том, что последний проделал уже значительный путь в своем движении по нисходящей линии»³⁵.

Внутреннее несоответствие между новым характером производительных сил и старыми, крепостными производственными отношениями в мануфактуре, с принудительным трудом несколько озадачило С. Г. Струмилина, скорее отшущившегося от этой постановки вопроса («всем сестрам по серьгам»³⁶), нежели оспорившего ее. Против этого положения, касающегося мануфактуры с принудительным трудом, высказались лишь И. В. Кузнецов и А. М. Сахаров. Первый вообще не усмотрел в крепостной мануфактуре по указанной линии никаких внутренних противоречий и объявил их «надуманными»³⁷. А. М. Сахаров же мотивировал свое несогласие, опираясь на анализ мануфактуры свольнонаемным трудом и признавая лишьвольнонаемного рабочего элемента нового типа развития производительных сил³⁸. В этой аргументации, как указано выше, явно снимается вопрос о характере развития производительных сил; он незаметно подменяется вопросом о производственных отношениях. Поэтому принять аргументацию А. М. Сахарова представляется мне невозможным. Солидаризируясь в этом с А. М. Карпачевым, справедливо заметившим, что выдвинутый тезис «о наличии в мануфактуре с принудительным трудом противоречия между характере-

³¹ М. В. Нечкина. О двух основных стадиях развития феодальной формации, стр. 25.

³² Н. М. Дружинин. Генезис капитализма в России. М. 1955, стр. 18.

³³ М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации, стр. 97—101.

³⁴ А. М. Карпачев. Указ. соч., стр. 59, 61—62, 64, 68.

³⁵ В. А. Голобуцкий. Указ. соч., стр. 123. Замечу, что ни мануфактура как таковая, ни потеря крестьянским хозяйством способности к простому воспроизводству не являются у меня «критерием» начала «нисходящей» стадии феодального развития; критерием этого является возникновение несоответствия между характером производительных сил и производственными отношениями. Мануфактура — лишь одно из конкретных и очень ярких проявлений этого несоответствия. В. А. Голобуцкий справедливо указывает на многие другие примеры более ранних, нежели мануфактура, конкретных проявлений этого же несоответствия — наемный труд, изменения характера цехового ремесла и др.

³⁶ С. Г. Струмилин. Указ. соч. «Вопросы истории», 1961, № 9, стр. 57.

³⁷ И. В. Кузнецов. Указ. соч., стр. 91.

³⁸ А. М. Сахаров. Указ. соч., стр. 103—104.

ром производительных сил и производственных отношений не является ни «надуманным», ни решением вопроса по принципу «всем сестрам по серьгам». Он отражает противоречивость развития, имевшуюся в самой действительности»³⁹.

Замечу также, что давно пора перестать говорить об «искусственности» мануфактуры с принудительным трудом, что вновь прозвучало в дискуссии «Эта теория, происхождение которой известно, думается, давно сдана в архив советской историографии. Да и что может дать историку разговор об «искусственности» явления не только просуществовавшего около двух веков, но даже послужившего основой «расцвета» уральской металлургии?

В настоящее время заметно ослабился жар споров о «природе» крепостной мануфактуры. Мне представляется, что уже в значительной мере снят самый предмет спора. Теперь большинство исследователей признают «сложный», «смешанный» и т. д. состав явления, где переплелись феодальные и капиталистические элементы⁴⁰.

В рамках дискуссии о стадиях феодализма мануфактура с принудительным трудом — яркий пример внутреннего несоответствия производительных сил и производственных отношений в отдельно взятом производственном явлении.

«Наёмный труд», как известно, не живет в безвоздушном пространстве, а действует в конкретных производственных явлениях. Люди, работающие по вольному найму на соляных варницах Соли Камской XVII в., являются производительной силой процесса создания материальных ценностей. В этом плане они уже не выявляют собою феодального характера производительных сил, они — уже новое явление. Они действуют в большом предприятии мануфактурного типа. Их привело на соляные варницы их личное решение. Они воспроизводят свою рабочую силу за счет получаемой заработной платы. Действуя на предприятии мануфактурного типа, они подчинены производственному процессу, организованному по принципу мануфактурного разделения труда. Все это хорошо показано в ценной монографии Н. В. Устюгова⁴¹. Но те же самые люди воплощают в себе и производственные отношения определенного типа. Вольный человек XVII в., нанявшись работать на соляные варницы Строгановых, отличается под этим углом зрения от оброчного крепостного человека, нанявшегося на те же варницы. Оброчный по истечении установленного срока обязан вернуться к барину, он должен отдать ему в виде оброка часть заработанных денег. В этом разрезе он принадлежит старым феодальным производственным отношениям. Не говоря о других формах стеснений (личное бесправие и др.), мы ясно видим, как формы феодальной собственности тут не способствуют развитию, а стесняют производительные силы нового типа, не дают им полностью высвободиться от феодальных пут, накладывающих на них печать феодализма в разрезе производственных отношений.

³⁹ А. М. Карпачев. Указ. соч., стр. 70.

⁴⁰ Ср. Е. И. Заозерская. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60-х годах XVIII в. М. 1960; Ф. Я. Полянский. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. М. 1956, его же. Первоначальное накопление капитала в России. М. 1958, стр. 240—241; В. Н. Бернадский. Крепостническое предпринимательство в третьей четверти XVIII века. Сборник «Вопросы генезиса капитализма в России». Л. 1960, стр. 116—117 и др.; Ч. Г. Володарская. Наёмный труд на шелковых поссессиях в 60-х годах XVIII в. Там же, стр. 120—134. Этот же факт сближения точек зрения и признание большинством исследователей мануфактуры с принудительным трудом сочетанием феодальных и капиталистических элементов отмечается в историографическом обзоре Б. Б. Кафенгауз и А. А. Преображенского «Проблемы истории России XVII—XVIII вв. в трудах советских ученых», стр. 161—162.

⁴¹ Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М. 1957.

Влияет ли это на человека как на производительную силу процесса? Еще бы! Здесь налицо явное противоречие между человеком как производительной силой и человеком как элементом производственных отношений. Допустим, два историка по-разному определят в данном случае степень остроты и глубины конфликта между «силами» и «отношениями», но независимо от этого самый факт их противоречия свидетельствует о «нисходящей» стадии процесса, о начальных процессах разложения феодализма.

Другим важнейшим методологическим вопросом нашей дискуссии является идентификация понятия «разложение» феодализма с понятием «нисходящей стадии». Правомерна ли такая идентификация? Она с большой отчетливостью предложена В. А. Голобуцким. «Какое же содержание,— спрашивает он,— вкладывается в понятие «нисходящая» стадия феодализма, и тождественно ли оно другому, более употребительному — «разложение» феодализма?» И отвечает: «По нашему мнению, это два совершенно равнозначных понятия»⁴².

Думается, тут нужны некоторые оговорки: нельзя вполне согласиться с предложенным отождествлением, поскольку оно не ставит вопроса о назревании явления и ранних его стадиях. Если говорить только о разложении как о признаке «нисходящей» стадии, то не будут ли упущены многие промежуточные, подготовительные явления, относящиеся к высвобождению капиталистических элементов из феодальной хозяйственной системы? Действительно, что такое разложение феодализма? К. Маркс дал ясное его определение в «Капитале»: «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»⁴³. Разложение есть процесс высвобождения из феодальной системы капиталистических элементов.

Поэтому возникновение элементов нового, капиталистического хозяйства органически связано с процессом разложения феодализма, высвобождается в процессе разложения феодализма, а не вырастает самостоятельно где-то рядом с ним и независимо от него. Глубокая взаимосвязь этих процессов требует их совместного изучения. Именно это необходимое требование нередко нарушалось в историографии последних лет. Разложение старого и возникновение нового — две стороны одного процесса. Исключением явился бы лишь случай загнивания формации, уже бессильной создать возможности перехода к следующей, высшей. Случай этот, оговоренный К. Марксом в его теории, встречался в истории человечества. Но Россия не является этим случаем, в ней интенсивно развивались элементы нового. Ясно, что высвобождение нового — процесс постепенный и нарастающий. Новое должно вырваться в условиях растущих противоречий и не может появиться сразу. Сначала могут преобладать деформированные феодальные явления, в которых новые производительные силы лишь начинают высвобождаться от старых производственных отношений. Потом возникают более зрелые формы противоречий. Происходит их накопление, идет подготовка разложения. Если под «разложением» понимать весь процесс развития несогласия между производительными силами и производственными отношениями, тогда В. А. Голобуцкий прав. Если же «разбить» процесс на два этапа и выделить в особый период (это, на мой взгляд, методологически оправдано) начало процесса, когда новые силы лишь высвобождаются, но еще не высвободились из преобладающих феодальных отношений, тогда разложением можно назвать вторую стадию развития противоречия, когда окончательно завершается процесс высвобождения.

⁴² В. А. Голобуцкий. Указ. соч., стр. 124.

⁴³ К. Маркс. Капитал. Т. I. М. 1955, стр. 720. Подчеркнуто мною.— М. Н.

бождения новых элементов и прекращается преобладание старых, феодальных. Понятие «разложение» феодализма не подвергалось еще нужной теоретической, методологической разработке; это необходимо сделать: теоретическая неразработанность вопроса задерживает исследование.

Русский исторический процесс несет в себе множество конкретных проявлений высвобождения новых, капиталистических элементов из феодальной оболочки. Массовое превращение ремесла в мелкое товарное производство высвобождалось в процессе разложения феодальных форм ремесла; усиленное формирование купечества высвобождалось из стеснительных рамок крестьянской крепостной зависимости и скованной феодальными формами городской жизни русского средневековья; нарастание процесса вольного найма на промыслах, мануфактуре, транспорте было результатом расслоения деревни и деформации крепостнических форм, ранее приковывавших крестьянина к натуральному хозяйству помещичьего имения. С этих позиций вызывает возражение выдвинутый в дискуссии тезис: «Не разложение первобытнообщинного строя было ведущим процессом, и не ему народы обязаны возникновением новых, прогрессивных форм хозяйства»⁴⁴. Нет новых форм, которые бы не высвобождались из разлагающихся старых. Откуда им иначе взяться? Процесс разложения и есть процесс высвобождения новых форм. Это еще раз показывает необходимость изучения не только элементов нового, но и тех не др., в которых оно рождалось. Конечно, критерием наступления «нисходящей» стадии, то есть той, которая отмечена возникновением несоответствия, противоречия между характером производительных сил и производственных огношений, являются (в нашем случае) показатели таких элементов капиталистического развития, которые еще стиснуты, подавлены, в той или иной мере деформированы сковывавшими их феодальными отношениями, формами феодальной собственности; таковыми являются, например, крепостная мануфактура, принудительный наем рабочей силы помещиком, фабрика или имение, купленное крепостным фабрикантом на барское имя, и многое другое. Однако одни капиталистические элементы в любой стадии их развития и зрелости — это еще не все; есть и чисто феодальные явления, характерные для начала «нисходящей» стадии: потеря крестьянским хозяйством возможности простого воспроизводства под гнетом феодальных повинностей, налагаемых барином,— весьма важный признак начала «нисходящей» стадии. За ним нередко следует потеря возможности простого воспроизводства и для всего помещичьего имения в целом. И в том и в другом случае отношения могут оставаться внутренне типично феодальными, но разоряющийся барщинный крестьянин — признак начала «нисходящей» стадии. Поэтому в данном случае, имеем ли мы дело с ростом бобыльства или с кабальным типом зависимости, указание на феодальный характер явления ничего не меняет в выводах: да, такие явления феодальны по существу, но, отнесенные к стадии развития феодализма, они говорят об его «нисходящей» ступени.

Надо с самого начала вывести за орбиту спора вопрос о «господстве» феодализма в XVI, XVII, XVIII веках. Да, в то время, несомненно, господствовал феодализм, а не капитализм, об этом никто не спорит. Но уже говорилось о разнице двух «господств»: одно «господство», идущее по восходящей линии, другое — движущееся к своему закату. «Дьявольская разница», как сказал однажды А. С. Пушкин по другому поводу. Об этой разнице, собственно, только и идет речь в настоящей дискуссии. Удивительно одно, что некоторые ее не замечают.

Даже столь прикованное к феодальным отношениям явление, как мануфактура с принудительным трудом, дает нам примеры постепенной

⁴⁴ А. М. Сахаров. Указ. соч., стр. 99.

эволюции к «высвобождению» новых элементов. Тут целая гамма оттенков в степени «высвобождения» главной производительной силы — рабочего: отбывание на господском заводе барщины, посессионные отношения, принудительный наем с денежной заработной платой — конкретные и далеко не одинаковые формы скованности новых производительных сил старыми производственными отношениями.

Накопление элементов нового — весьма важная сторона дела. Оно-то и отличает случайный единичный факт от факта, свидетельствующего о начале процесса накопления. Речь идет, разумеется, не о единичных явлениях, а о тех, которые имеют возрастающее, перспективное развитие. О последнем историку средних веков судить просто: ведь перед ним огромная перспектива последующих столетий, убедительно показывающих перспективу прогрессивного развития или случайность, спорадичность изучаемого явления. Случай наемного труда и даже мануфактурного производства бывали и при рабовладельческом строе и в эпоху раннего феодализма, скажем, в древнерусском Киевском государстве. Эти явления, отдельно проанализированные, конечно, говорили бы о противоречии, в них заключенном, были бы в какой-то мере противопоставлены всему хозяйственному строю, не походили бы на ведущие процессы эпохи. Но они были в рамках своей эпохи явно лишены перспективы развития, не выявляли вновь возникший процесс, «не делали погоды». Иное дело перспективные явления. Историк наемного труда и неизбежно связанного с этим расслоения деревни, скажем, XVII в., уже видит неуклонное нарастание процесса: отдельные мануфактуры налицо в XVI веке. 1632 г. датирована грамота на основание завода Биниуса под Тулой, а Пущечный двор — еще более ранний факт. Но XVII век приносит неопровергимые доказательства роста мануфактур и перспективности замеченного еще в XVI в. явления: по неполным сведениям, в России XVII в. существует уже не менее 30 мануфактур, к числу которых надо присчитать не только предприятия ткацких слобод, но и соляные варницы Строгановых (мануфактурную природу которых показал в своих исследованиях Н. В. Устюгов⁴⁵), на них работали тысячи рабочих; не забудем уже существовавшие тогда винокуренные предприятия, поташное производство. Б. Б. Кафенгауз прав, указывая, что при подсчете мануфактур XVII в. неправомерно забывать московскую типографию, где в 1630 г. было уже 30 печатных станков, а в середине XVII в. насчитывалось 165 рабочих, тот же Пущечный двор, денежные дворы, пороховые заводы⁴⁶. XVIII век дает дальнейшее общеизвестное усиление мануфактур. Следовательно, слабость явления не является аргументом, лишь его перспективность оказывается решающим доводом.

Все это необходимо учесть, определяя постепенное возникновение разложения феодализма, его подготовку, накопление противоречий. Этот период и является, на мой взгляд, первым периодом «нисходящей» стадии, ее началом.

Если признание существования и важности проблемы «восходящей» и «нисходящей» стадий феодализма является почти всеобщим, иначе обстоит дело с определением той переломной грани, за которой стадия «восходящая» сменяется «нисходящей».

Спор об этом вопросе выявил большую пестроту мнений, колеблющихся в пределах чуть ли не трех веков. Это — весьма серьезное разногласие, вскрытое дискуссией. Ряд историков считает XVII в. началом

⁴⁵ См., например, Н. В. Устюгов. Указ. соч.

⁴⁶ Б. Б. Кафенгауз. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России, стр. 7—8.

ствовании поступательного развития производительных сил, надламывающего старые формы. Повторю еще раз, что, ссылаясь на «слабость» капиталистических отношений, никак нельзя отрицательно решать вопрос о начале «нисходящей» стадии феодализма. Вопрос о начале этой стадии решает не «сила» или «слабость» капиталистических отношений, а их наличие. «Сила» и «слабость» новых отношений говорят лишь о степени их зрелости и об остроте противоречия.

Поставленная проблема, на мой взгляд, глубоко воздействует на понимание многих вопросов истории феодализма, как бы повертывает их к себе, видоизменяет их содержание.

В самом деле, для исследовательской историографии последнего времени чрезвычайно характерны частые споры о феодальной или капиталистической природе того или иного явления феодального периода (мануфактуры ли с принудительным трудом, «вольного» ли найма оброчного человека, приобретения земельной собственности крепостным крестьянином или открытия им промышленного предприятия, заработной платы несвободных рабочих и многоего другого). Как правило, споры кончаются признанием сложности и противоречивости изучаемых явлений, в которых имеются элементы новых сил или отношений, смешанных со старыми отношениями. Но степень преобладания того или иного элемента уводила спорящих в разные лагери. С точки же зрения настоящей дискуссии спор, объективно говоря, идет в этом случае об одной и той же проблеме — о степени продвижения феодальной формации по нисходящей линии. И те, кто считает наймитов XVII в. фигурами капиталистического найма, и те, кто рассматривает их как типично феодальное явление, в котором феодальные производственные отношения начисто «перемалывали» ростки капитализма, говорят объективно об одном и том же: о несоответствии между характером развития производительных сил и производственными отношениями феодализма. Только сторонники феодального характера явления считают новый тип развития производительных сил, проявляющихся в вольном найме рабочей силы, еще столь слабым, что феодальные производственные отношения могут сковать их своей формой; «противники» же приводят фактические данные о надломе или слабости этой феодальной формы, о преобладании нового (капиталистического) элемента в явлении. Оба решения лишь по-разному оценивают степень зрелости явления, характерного в обоих случаях для «нисходящей» стадии феодальной формации. Они спорят лишь о ходе созревания явления, которое как в том, так и в другом случае свидетельствует, что феодализм уже идет по «нисходящей» линии. Сторонники «феодального» решения, указывая на последующее порабощение вольных людей, анализируют пример того, как феодальные огношения тормозят процесс развития нового, а приверженцы «капиталистического» решения приходят к выводу, что разложение старых, феодальных отношений уже в *свободило* новые, по сути дела, капиталистические отношения.

Однако взаимоотношения спорящих сторон существенно (кардинальным образом!) меняются, как только в споре представитель первого из упомянутых решений (в нашем примере это сторонник «феодального» решения вопроса о наймитах XVII в.) станет на точку зрения прогрессивности феодализма того времени. Ему придется доказывать, что бывший «вольный» наймит, ныне закрепощенный, представляет с соответствующими трудовыми навыками и орудиями в руках именно в своем закрепощенном состоянии более высшую ступень развития производительных сил, нежели ранее, причем достижение им высшей ступени производительности труда как раз обусловлено его феодально-крепостным состоянием. Иначе говоря, та форма собственности на работника, которая реализована в данном случае помещиком-крепостником, как раз будто бы содействует повышению уровня производительных сил, несет его в

себе. Не будем сейчас поднимать вопрос, можно ли в данном случае доказать все это (я думаю, невозможнo). Но этот пример нагляднее другого показывает новую ситуацию, когда спорящие стороны действитель но представляют противоположные точки зрения.

Следовательно, существеннейшей разницей в позициях спорящих сторон явится в таком случае оценка крепостничества, в частности крепостного права. Тем историкам, которые относят «нисходящую» стадию феодализма к XVII веку или даже к рубежу XVI—XVII вв., когда феодальные, по сути, отношения приняли форму крепостного права, не представит труда оценить явление как отчетливую демонстрацию несоответствия и отнести преобразование феодальных производственных отношений в крепостные как деформирование, вызванное начавшимся несоответствием. Работами последних лет, думаю, ясно доказано тормозящее воздействие крепостничества, и в частности барщины, на развитие народного хозяйства. Н. И. Павленко осветил задерживающее влияние крепостной системы на формирование рынка рабочей силы для металлургии⁵³. Г. Т. Рябков разобрал тормозящее влияние крепостного права на расслоение крестьян в смоленских вотчинах Барышниковых⁵⁴. Можно привести множество других примеров. Но ведь это XVIII в. и первая половина XIX в., возразят противники. Можно попросить «взамен» указать работы о прогрессивной роли барщины в XVII в. и о положительном воздействии крепостного права на формирование всероссийского рынка. Свое законодательное утверждение крепостное право получает в исходе XVI—начале XVII века. Первые законы о крепостных отношениях как раз являются, на наш взгляд, первыми показателями «нисходящей» стадии феодализма. Ранее обычай допускал свободный переход, и феодальная зависимость не требовала законодательного насилия; феодализм был прогрессивен, и развитие производительных сил страны находило достаточный простор в рамках феодальных производственных отношений. Закрепощение деревни затормозило рост товарности крестьянского хозяйства и сократило товарооборот между городом и деревней. Установление крепостного права и последующий его «расцвет» свидетельствуют о потере феодализмом его прогрессивного характера.

Развитие крепостничества как правового института подробно разбирается в ряде недавно вышедших работ, из которых первое место должно занять книга А. Г. Манькова⁵⁵. Внимательно изучив в исторической последовательности законодательные памятники второй половины XVII в., А. Г. Маньков проанализировал деятельность самодержавия по поддержанию и укреплению крепостного права и ни разу не пришел к выводу о прогрессивном характере этой деятельности. При этом особое внимание в книге уделено государственному сыску беглых и связанной с ним классовой борьбе крестьянства. Более ранний период (конец XVI — начало XVII в.) осветил в своей превосходной статье 1957 г. В. И. Корецкий⁵⁶, сосредоточившийся на проблеме «Заповедных лет» и отмены Юрьева дня; и этот исследователь нигде ни единым словом не упоминает о «прогрессивности» крепостного права для изучаемого периода.

⁵³ Н. И. Павленко. Принудительный наемный труд в металлургии России второй половины XVIII в. (по материалам ведомостей Берг-коллегии). Сборник статей памяти акад. А. М. Панкратовой «Из истории рабочего класса и революционного движения». М. 1958, стр. 101—112; его же. Наемный труд в металлургической промышленности России во второй половине XVIII века. «Вопросы истории», 1958, № 6.

⁵⁴ Г. Т. Рябков. Тормозящее влияние крепостного права на расслоение крестьян в смоленских вотчинах Барышниковых в первой половине XIX века. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». 1960. Киев. 1962, стр. 351—362.

⁵⁵ А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.-Л. 1962.

⁵⁶ В. И. Корецкий. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в. (к проблеме «Заповедных лет» и отмены Юрьева дня) («История СССР», 1957, № 1).

да. То же можно сказать о работах В. М. Панеях, много сделавшего для выяснения юридического положения холопов XVI—начала XVII века⁵⁷. Весь конкретный анализ законодательного материала свидетельствует о тормозящем значении законодательства для развития крестьянского хозяйства⁵⁸.

В сторонниках прогрессивности крепостного права все же нет недостатка; к ним относится, например, Ф. Я. Полянский⁵⁹, а также И. В. Кузнецов, считающий что поскольку «второе издание крепостничества» является результатом развития товарно-денежных отношений, оно принадлежит к явлениям «восходящей» стадии феодализма⁶⁰.

Следует напомнить еще раз, что рост крепостничества сам по себе не есть критерий его прогрессивности и доказательство его принадлежности к «восходящей» стадии; решает, как и всюду, основной показатель — соответствие или несоответствие характера развития производительных сил типу производственных отношений. Если между характером этого развития и типом отношений налицо противоречие, перед нами основное доказательство принадлежности явления к «нисходящей» стадии развития. Противоречие же, раз возникнув, может углубляться и расти — это ему нередко и свойственно,— но почертнуть в этом росте довод принадлежности явления к «восходящей» стадии той формации, внутри которой оно возникло, никак не тьзя.

А. М. Сахаров — единственный участник спора, уделивший много внимания «восходящей» стадии феодальной формации. Он высказывает много интересных, творческих соображений о прогрессивности феодальных отношений, характеризует тормозящее значение старого, разлагающегося первобытнообщинного строя, справедливо отмечает, что «возникновение классового общества предстает перед нами как длительный, многовековой процесс глубоких общественных потрясений, всей тяжестью ложившихся на плечи народных масс»⁶¹. Соглашаясь с моим положением, что передвижение готов, гуннов, аваров связано с «нисходящей» стадией первобытнообщинного строя, он присоединяет к этому важный вопрос о применении того же обобщения «в отношении военной активности восточных славян в течение нескольких веков, предшествовавших образованию Древнерусского государства»⁶². Соображение это заслуживает внимания. А. М. Сахаров интересно развивает положение о том, что возникновение молодых феодальных отношений было шагом вперед для развития хозяйства непосредственных производителей: «...на определенном этапе, в период «восходящей» стадии феодализма, патронат со стороны феодала расширял возможности сохранения крестьянского хозяйства»⁶³. Он рисует условия, в которых на «восходящей» стадии «вступление в зависимость от феодала было для смерда определенным выходом из трудного положения: оно создавало известную гарантию поддержания и сохранения крестьянского хозяйства»⁶⁴. Очень верно и развиваемое А. М. Саха-

⁵⁷ В. М. Панеях. Из истории кабального холопства в XVI в. Сборник «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков». М.-Л. 1960, его же. К вопросу об указе 1601 г. «Проблемы источниковедения». Т. IX. М. 1961.

⁵⁸ Анализ всего этого законодательного материала убеждает, что лишь те его нормы, которые ограничивали помещичьи права и тормозили развитие крепостничества, были прогрессивны для крестьянского хозяйства. Характерен в этом отношении указ 1601 г. и его комментарий, поясняющий, что указом разрешался не только помещичий «вывоз» крестьян, но и крестьянский «выход» от помещиков. Эта сторона дела правильно объясняется классовой борьбой крестьянства.

⁵⁹ Ф. Я. Полянский. Первоначальное накопление капитала в России. М. 1958

⁶⁰ И. В. Кузнецов Указ соч., стр. 81—83, 87.

⁶¹ А. М. Сахаров Указ. соч., стр. 99.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, стр. 100.

⁶⁴ Там же, стр. 101.

ровым положение, что классовая борьба была движущей силой исторического прогресса и в период «восходящего» феодализма: «Это была борьба за лучшие условия существования крестьянского хозяйства, за ослабление гнета и предоставление крестьянам большей экономической самостоятельности»⁶⁵.

Однако далее А. М. Сахаров, на мой взгляд, изменяет принятому принципу. Разногласия начинаются с момента определения начала «нисходящей» ступени. Как это ни странно, но не только весь XVII в. со всеми признаваемыми в нем элементами капиталистического развития (массовым превращением ремесла в мелкотоварное производство, ростом торгового капитала, усилением купечества и хотя и медленно, но развивавшимся применением вольнонаемного труда на промыслах, транспорте и отчасти на мануфактурах), но и первую половину XVIII в. А. М. Сахаров и вслед за ним И. В. Кузнецов относят к «восходящей» стадии феодальной формации. Их не «смущают» капиталистические элементы, явно противоречащие феодальной системе, не затрудняет и самое наличие возрастающего несоответствия между характером производительных сил и производственными отношениями. Лишь за гранью 1760-х годов начинается, по их мнению, конфликт между теми и другими, и мы получаем право говорить о начале «нисходящей» стадии.

Но мы уже заметили выше, что конфликт — это лишь позднейшая стадия развития противоречий, а не момент их появления. Он не может служить критерием начала «нисходящей» стадии, он лишь начало ее последнего этапа. Если быть последовательным, то А. М. Сахаров должен распространить на крестьян XVII — первой половины XVIII в. все им же ранее высказанные положения о «восходящей» стадии феодализма, то есть утверждать, что в период с XVII в. по первую половину XVIII в. включительно пребывание крестьянина в крепостной зависимости от феодала было для него выходом из трудного положения и создавало гарантию поддержания и сохранения крестьянского хозяйства, что патронат со стороны феодала был и в это время все еще определяющее важным условием для хозяйства крестьянина, предохраняя его от разорения, что помещичья собственность на людей и землю была прогрессивным явлением... Правда, трудно представить себе, чтобы эти положения могли быть защищены, но логика дела требовала бы этого.

Та же логика требовала бы разъединения трех крупнейших крестьянских восстаний в истории России: движения под руководством Болотникова, С. Т. Разина (и, добавим, К. А. Булавина) надо было бы отнести к «восходящей» стадии феодализма, когда феодальные отношения были, так сказать, «благом», прогрессом, а восстание Е. И. Пугачева оказалось бы в другой группе явлений — «нисходящей» стадии феодализма. Было бы очень важно выслушать аргументацию столь искусственного противопоставления.

А. М. Сахаров солидаризируется с Е. И. Заозерской в том, что «основным условием развития русской крупной металлургии во второй четверти XVIII века являлось крепостное право» и, несмотря на наличие противоречий между новыми производительными силами и господствовавшими феодальными производственными отношениями, последние в изучаемую эпоху, по его мнению, «не стали еще оковами» экономического прогресса⁶⁶. Но почему через 10—20 лет, когда вторая четверть XVIII в. превращается в его вторую половину, то есть переходит рубеж, за которым А. М. Сахаров готов признать начало «нисходящей» стадии феодализма, почему то же самое крепостное право вдруг становится оковами прогресса? Где теория вопроса, система научных доказательств начала

⁶⁵ Там же, стр. 103.

⁶⁶ См. там же, стр. 106, см. статью Е. И. Заозерской в «Очерках истории СССР. Россия во второй четверти XVIII века». М. 1957, стр. 9, 11.

«нисходящей» стадии? Надо признать, что в прошедшей дискуссии «противники» предложенного решения, отчетливо формулировав приемлемую для них дату перелома, оказались очень скучы на теоретические соображения и оставили дату без доказательств.

А. М. Сахаров ссылается на Б. Б. Кафенгауза, также пришедшего к выводу, что «изменения в базисе и надстройке, происходившие в середине столетия (XVIII.—M. H.), однако не свидетельствуют о начале ломки феодально-крепостнического строя»⁶⁷. Но эта цитата вне плоскости спора. Положение Б. Б. Кафенгауза правильно. Но разве начало «нисходящей» стадии формации есть «ломка феодально-крепостнического строя»? Конечно, нет. До того, как произойти «ломке» (когда она была? В эпоху революционной ситуации середины XIX века!), надо накопиться противоречиям, созреть конфликту. Здесь один вопрос подменен другим.

Сторонники прогрессивности феодализма XVI—XVII вв. должны разъяснить и то, почему же феодальные отношения, уже изжившие к XVI—XVII вв. свою прогрессивность во всемирно-историческом процессе, якобы продолжают еще оставаться прогрессивными для России? Всемирно-исторический аспект вопроса тут один из важнейших.

Ни одна общественно-экономическая формация не погибает раньше, чем раззываются производительные силы, для которых она дает достаточно простора. Ясно, что ранее, чем говорить о гибели, надо поставить вопрос о ее подготовке. Надо изучить те закономерности, которые готовят крах старого и одновременно приводят и к гибели старого и к торжеству нового. Замечу, что тут было бы совершенно недостаточно сказать: приводят к торжеству новых «отношений». Нет, нужны не только «отношения» (подразумевается производственные), но и «силы» (подразумевается производительные). С односторонним, искусственным вычленением из цельного процесса только одной его стороны — отношений, думается, пора кончать.

Все это открыло бы перед историками феодализма множество новых тем и богатейшие перспективы развития научного исследования, продвижения его вперед. Это и является, на мой взгляд, самым главным и положительным выводом нашей затянувшейся дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации.

Дискуссия, разумеется, не преследовала цели сразу и окончательно решить едва ли не самый основной социологический вопрос во внутреннем развитии феодальной формации. Но она стремилась поставить его, привлечь к нему внимание исследователей. Лишь дальнейшая творческая коллективная работа историков ответит на многочисленные вопросы, вытекающие из дискуссии, и позволит достигнуть окончательного решения проблемы.

⁶⁷ См. А. М. Сахаров. Указ. соч., стр. 106; цит. «Очерки истории СССР. Россия в второй половине XVIII века». М. 1956, стр. 5—6.